

Мои воспоминанія объ архимандритѣ Феодорѣ (А. М. Бухаревѣ).

(Продолженіе) ¹⁾.

I.

(Архимандритъ Феодоръ-Профессоръ).

Достославныя выписки изъ моихъ писемъ всего, касающагося въ нихъ о. Феодора, съ комментаріями въ случаяхъ надобности (1854—1855 учебный годъ).

(1854 г. Окт. 10)... „Во вторникъ (5-го Окт.) поутру всѣ начальствующіе и учащіе уѣхали прощаться къ Архіерею“ (Митр. Григорію, уѣзжавшему въ С.-Петербургъ, для присутствования въ Синодѣ) и потому у насъ перваго класса не было. Вдругъ разносится вѣсть, что пріѣхалъ Левъ Петровичъ съ отцемъ“. (Л. П. Полетаевъ, изъ Нижегородцевъ-студентъ, въ этомъ году первымъ окончившій курсъ,—предназначенный къ оставленію при академіи и готовившійся къ постриженію,—въ монашествѣ Григорій, о которомъ только что сказано выше ²⁾). „Я схожу внизъ въ комнатку къ о. Варсанофію ³⁾); поздоровался съ Л. П.; вижу—стоитъ незнаю—священникъ, незнаю—дьяконъ; давай, думаю, на всякій случай, попробую принять благословеніе. Потомъ мы вышли со Л. П. въ корридоръ и онъ сказалъ мнѣ, что это—о. Феодоръ,—новый нашъ профессоръ. Онъ пріѣхалъ со

¹⁾ Начало см. въ Богослов. Вѣстн. 1905 г. Июль-Авг. стр. 499—538

²⁾ Богосл. Вѣстн. 1905 г. Іл. стр. 338.

³⁾ Тоже въ этомъ году только что окончившій курсъ и уже принявшій постриженіе; скончался епископомъ Симбирскимъ.

Львомъ Петровичемъ на одномъ пароходѣ и, такъ какъ начальства никого не было, тоже взошелъ къ о. Варсонофію. Послѣ помѣстился онъ у о. Ректора въ залѣ, гдѣ отгородили ему ширмами уголокъ для спальни; а послѣ завтра, вѣроятно, перейдетъ онъ въ комнаты о. Серафима, для котораго—наконецъ—отдѣляли комнаты въ главномъ нашемъ корпусѣ, въ среднемъ этажѣ. Левъ II. помѣстился уже въ собственной квартирѣ, въ томъ флигелѣ, гдѣ жилъ о. Серафимъ. Вчера (9 окт.) видѣлъ я Льва II.; вчера приходилъ онъ къ намъ въ верхній корридоръ и попенялъ намъ (—„землякамъ своимъ,—студентамъ младшаго курса—нижегородцамъ“), что мы не ходимъ къ нему; а нынѣ пропалъ нашъ Левъ II. вмѣсто него у насъ въ академію прибылъ еще монахъ... Григорій. Нынѣ (воскр. 10 Окт.) совершилось постриженіе Л. П. Вчера я не хотѣлъ, прежде времени, сообщить Вамъ эту новость. Постригалъ о. Ректоръ; главнымъ воспріемникомъ былъ о. Серафимъ, другимъ—о. Ѳеодоръ. О. Ѳеодоръ—маленькій, бѣлокурый, съ робкими пріемами,—точно послѣдній іеромонашишка какой-нибудь пустыни. Вчера онъ былъ въ классѣ,—не у насъ, а у старшихъ студентовъ;—кажется, понравился имъ. Говорятъ, что онъ, вѣроятно, будетъ сдавать свои лекціи, вмѣсто Макаріева Богословія, которое здѣсь служить учебникомъ. Онъ поступаетъ на богословіе всѣхъ родовъ, исключая полемики противъ раскольниковъ, которая останется специальнымъ предметомъ о. Ректора и исключая также Нравственнаго Богословія и Литургики, которыя будетъ преподавать о. Серафимъ. вмѣсто о. Серафима, Свящ. Писаніе займетъ о. Григорій; только дочитаетъ о. Серафимъ Введеніе въ Свящ. Писаніе, а Льву Петровичу уже велѣно было готовить Пятюкнижіе. Мы даже не знаемъ,—кто придетъ къ намъ въ среду: о. Серафимъ или о. Григорій“.

„Во вторникъ при мнѣ заходилъ къ о. Григорію о. Ѳеодоръ, который въ тотъ день только что перешелъ на свою квартиру; въ бывшія комнаты о. Серафима, наискосокъ отъ о. Григорія. Ему нужно было кое-что наказать—прибрать въ своихъ комнатахъ и онъ, уходя самъ въ главный корпусъ, просилъ о. Григорія передать его слова человѣку. Переговоривъ съ о. Григоріемъ, онъ обратился ко мнѣ: а это вѣдь, кажется, г. Лаврскій?—сказалъ онъ. Я принялъ его благо-

словеніе. Такой онъ памятливыи! видѣлъ меня только разъ,— въ день своего пріѣзда, и—запомнилъ не только лице мое, но и фамилію! Студенты его преподаваніемъ довольны; онъ, обыкновенно, говоритъ, а не читаетъ; вчера, говорятъ,—онъ цѣлый классъ говорилъ дилеммами: „или—или“. Между прочимъ: здѣсь въ Академіи изъ-поконъ-вѣку велось, что *дни творенія* принимаемы были за *эпохи*. Такъ учили и прошедшій и настоящій о. Ректоръ; о. Ѳеодоръ говоритъ, что допустить это мнѣніе не возможно; по слѣдствіямъ своимъ, оно служить къ подрыву христіанскаго толкованія“ ¹⁾.

„Воскресенье“ (30 Окт.). „О. Ѳеодоръ послѣ каждого класса возбуждаетъ о себѣ большіе толки. Вотъ что я выбралъ общаго изъ разныхъ отзывовъ о немъ: онъ поэтъ; чувство у него преобладаетъ надъ разсудкомъ; и потому студенты очень многого изъ его словъ не могутъ принять за истину; но онъ говоритъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что, пока онъ говоритъ, съ нимъ нельзя не согласиться; притомъ онъ искусный диалектикъ, но самый способъ его посылокъ и заключеній совершенно своеобразенъ; на все у него свой чисто субъективный взглядъ. Вчера одинъ студентъ уже передъ самымъ звонкомъ выразилъ ему свое какое-то недоумѣніе,—возразилъ ему; звонокъ помѣшалъ имъ; студентъ въ 4 часа пошелъ къ нему на домъ, и о. Ѳеодоръ битыхъ два часа, до самой всеобщей, трактовалъ съ нимъ, какъ обыкновенно—въ сильнѣйшемъ экстазѣ. Онъ много начитанъ; въ этомъ разговорѣ онъ приводилъ свидѣтельства и изъ Одессы, и изъ Иліады, и изъ Магабараты. О Гоголѣ онъ отзывался: „явился было у насъ сынъ Христовъ; но тѣ-то, которымъ бы слѣдовало принять его, пастыри церкви,—они-то его и не приняли“. Вообще, онъ изступленный человѣкъ. Еще его слова: „Батюшка вы мой! да ужъ вы не сомнѣвайтесь! ужъ Богъ то есть безконечная любовь; ужъ то самое, что Онъ троиченъ, показываетъ, что Онъ есть любовь. Иначе, прежде сотворенія міра, чѣмъ бы обнаружилась Его то любовь и вотъ Онъ, такъ сказать раздѣлился, чтобы любовь то эта обнаружилась“.

¹⁾ О. Ѳеодоръ указывалъ на то обстоятельство, что съ обращеніемъ дней творенія въ эпохи соединено признаніе въ мірѣ появленія смерти прежде грѣхопаденія и даже прежде самаго сотворенія человѣка.

Прошу извиненія у читателей за этотъ жаргонъ семинарской схоластики: „возражать“, „свидѣтельства?“ изъ Иліады, Одиссеи и пр. Я не хочу исправлять тогдашняго моего выраженія мыслей, чтобы не подрывать довѣрія къ подлинности историческаго документа, представляемаго моими письмами; я увѣренъ, что читатель самъ пойметъ, что хотѣлъ я тогда сказать выраженіями: „экстазъ“, изступленный чловѣкъ“, „своеобразный способъ посылокъ и заключеній“ и пр.; все это штрихи очень неудачные, но они передаютъ впечатлѣніе, произведенное тогда о. Теодоромъ на аудиторію; потому я и оставляю безъ всякихъ исправленій это изображеніе.

„Въ Воскресенье (7-го *Ноября*) обѣдню служилъ у насъ въ первый разъ о. Теодоръ“ (стр. 145).

„Въ Пятницу (17-го *Ноября*) у насъ долженъ производиться главный экзаменъ по шести предметамъ... Въ 9 часовъ пришелъ о. Ректоръ совѣтъ почти генералитетомъ. Экзаменъ начался по Психологіи. Сначала—Соколова и другаго затѣмъ—спрашивали очень долго и сбивали¹⁾; вызывали по списку, какъ мы были приняты. Подъ конецъ списка къ билетамъ изъ Психологіи примѣшали билеты изъ Исторіи Философіи. Потомъ о. Ректоръ раздѣлилъ трудъ экзамена: о. Теодору далъ экзаменовать по Словесности, о. Серафиму по Герменевтикѣ, а самъ сталъ экзаменовать по Физикѣ. Меня спросили сначала къ о. Теодору; онъ потеревилъ меня за пуговицу, (безъ этого онъ не можетъ говорить со студентомъ); потомъ спросили меня по Физикѣ, потомъ о. Ректоръ, окончивъ экзаменъ по Физикѣ, переспросилъ насъ по Математикѣ и Естественной исторіи и ушелъ домой, а о. Теодоръ и о. Серафимъ еще все экзаменовали“.

(*Декабря 27*). „Въ прежнемъ письмѣ позабылъ я, кажется, написать Вамъ, что нашъ о. Теодоръ уѣхалъ еще передъ праздникомъ въ Семизерную пустынь, не очень далеко отстоящую отъ города, и спасается тамъ еще и доселѣ. О. Ректоръ въ понедѣльникъ на праздникъ тоже уѣхалъ въ Раифскую пустынь, но въ среду вечеромъ уже возвратился назадъ“.

¹⁾ Тоже семинарскій терминъ: возраженіями испытывали, увѣренъ ли студентъ въ истинѣ высказываемыхъ имъ положеній;—не отступитъ ли отъ нихъ, когда противъ нихъ сдѣланы будутъ ему возраженія.

(*Генваря 23 дня*). „Нынѣ обѣдню у насъ служилъ о. Ѳеодоръ“. „О. Ѳеодоръ нашъ просится на покой въ Раифскую пустынь, въ которой гостилъ онъ на Рождественскихъ ваканціяхъ. При его слабомъ здоровьѣ, ему академическій воздухъ чрезвычайно,—говорятъ,—вреденъ, особенно при нашихъ амосовскихъ печахъ. А кажется, еще больше вредятъ его больному духу огорченія; всякое сильное душевное движеніе неблагопріятно дѣйствуетъ на его здоровье, а онъ такъ способенъ одушевляться. Говорятъ, даже въ простомъ разговорѣ онъ воодушевляется, покраснѣетъ, и вдругъ утихнетъ, сказавъ: „ах! да-бишь¹⁾!—мнѣ вредно“... я думаю, студенты не безъ сожалѣнія разстанутся съ нимъ, если на его просьбу согласятся; наставникъ не дюжинный, съ своимъ глубокимъ взглядомъ на предметъ“.

„О. Ѳеодоръ еще на масленицѣ уѣхалъ въ свою любимую Раифскую пустынь“ (*Февр. 12-го*).

Раифская пустынь—монастырь въ 40 верстахъ отъ Казани;—кругомъ въ лѣсу, при большомъ озерѣ и съ теченіемъ времени сдѣлалась любимымъ мѣстомъ Казанцевъ для дачной жизни, по красотѣ мѣстоположенія; но зимой, конечно, могла имѣть одну только привлекательность глубокаго уединенія. Потому-то и замѣчено было выше, что о. Ректоръ уѣхалъ туда на праздникъ Рождества въ понедѣльникъ, а въ среду уже вернулся назадъ“.

Р. S. Говорятъ, нашъ о. Ѳеодоръ сильно боленъ“.

1855 г. апрѣля 17 дня. „Въ четвергъ былъ не на-долго у Ив. Як. Порфирьева, по книжнымъ дѣламъ, а нынѣ въ субботу былъ у о. Ѳеодора, къ которому тоже о. Ректоръ посылалъ за одной книгой,—все для задачи же. Не знаю, что за фантазія пришла ему: онъ, при прощаньи, благословивъ, поцѣловалъ меня“.

Тогда, какъ видно, я очень еще мало понималъ о. Ѳеодора; такъ и тутъ не понялъ, что это былъ протестъ дѣломъ и истинною сердечнаго любящаго отношенія къ студенту Лаврскому противъ моего деревянно-машиннаго отношенія, какое, по тогдашнимъ моимъ убѣжденіямъ, подобало имѣть благовоспитанному студенту къ начальству; профессоръ и архимандритъ, въ моихъ глазахъ тогда, несо-

¹⁾ Провинціализмъ; изъ древне-славянскаго: „быша“.

мнѣнно, былъ уже начальствомъ. Очень можетъ быть, что, даже и безъ особеннаго старанія съ моей стороны, эта усиленная официальность сама собою сказывалась въ каждомъ моемъ словѣ и въ каждомъ движеніи; выходило такъ, что явившійся къ о. Теодору студентъ Лаврскій говорилъ: я № 16, по приказанію о. Ректора, долгъ имѣю... и пр. и пр. Какъ подходить духомъ своимъ къ Отцу, переступая порогъ въ квартиру начальника, этому словами научилъ меня о. Теодоръ уже въ послѣдствіи; а теперь, сопровождая напутственное свое благословеніе поцѣлуемъ, онъ молча давалъ мнѣ понять,—по крайней мѣрѣ, хотѣлъ мнѣ дать понять,—что слово „отецъ“ можетъ быть не просто общепринятымъ присловьемъ при титулованіи особъ высокопреподобнаго ранга, а выражать и дѣйствительныя отношенія между высшими и низшими. Я тогда не понялъ этого отношенія потому что, подъ вліяніемъ ранняго чтенія, твердо вѣровалъ правилу, что homo homini lupus.

(*Апр. 23 и 24 1855 г.*). „Что за дивныя лекціи читалъ намъ о. Григорій о книгѣ Іова. По направленію и духу, это лекціи о. Теодора; онъ въ Московской академіи преподавалъ свящ. Писаніе и отдалъ свои записки о. Григорію. Итакъ, мы будемъ имѣть на Ветхій Завѣтъ прекрасныя записки“.

По всей вѣроятности это и были лекціи о. Теодора о Книгѣ Іова не въ передѣлкѣ, близкой къ подлиннику только „по духу и направленію“, а буквально то самое, что въ послѣдствіи о. Теодоромъ было напечатано. Начинающему бакалавру, какимъ былъ тогда о. Григорій, не такъ легко было писать что нибудь свое въ духѣ и направленіи о. Теодора. Въ томъ же духѣ и направленіи читалъ намъ о. Григорій въ послѣдствіи характеристику четырехъ евангелій, по руководству Церкви Православной, усвоившей евангелистамъ символы орла, льва, тельца и человѣка. Это была, повидимому, уже самостоятельная работа о. Григорія только по руководству о. Теодора. Ни въ печати эти характеристики не являлись, то въ рукописи не найдены.

(*1855 г. Мая 1-го*). „Еще новость: о. Теодоръ прежде просилъ только письмомъ у Преосвященнаго увольненія, но наконецъ рѣшился проситься формально. Онъ принимаетъ теперь отъ ректора семинаріи Іосифа Ивановскій монастырь въ которомъ голодаетъ 6 монаховъ братіи. (Ивановскій мо-“

настырь близъ Кремля на площади) Іосифъ уѣзжаетъ куда-то лечиться“.

Нашъ о. Ѳеодоръ прежде попросилъ частнымъ письмомъ у Преосвященнаго позволенія подать просьбу объ увольненіи его отъ академіи. Преосвященный, какъ уже Вамъ извѣстно это, не согласился на его просьбу, позволилъ ему съѣздить, если нужно, и пожить въ его любимой Радѣской пустыни, но не оставляя академической службы. Наконецъ о. Ѳеодоръ не вытерпѣлъ, подалъ формальную просьбу объ увольненіи и—нѣтъ причины, по которой бы могли удержать его. Итакъ, по всей вѣроятности, намъ не удастся послушать этого замѣчательнаго наставника энтузіаста. Ему предлагали въ управленіе Ивановскій монастырь; онъ отказался, потому что—говорить онъ—это все равно, что жить и въ Академіи“.

(Мая 15-го 1855 г.) „У насъ въ городѣ ходитъ предположеніе, что, когда совершенно уволятъ ректора Семинаріи Казанской Іосифа, то на его мѣсто переведутъ о. Серафима. Въ такомъ случаѣ прямое мѣсто въ инспекторахъ быть о. Ѳеодору; и—говорять—онъ едва ли откажется. Какъ видно, академическій воздухъ и амосовскія печи, на которыя жаловался о. Ѳеодоръ, были выраженія болѣе метафорическія, а истинная причина его желанія оставить академію—въ томъ направленіи, какое онъ видитъ здѣсь,—въ направленіи фформализма, видимости, буквальнаго исполненія закона или, какъ онъ выражается,—въ направленіи фарисейства. Воплощеніе этого направленія онъ видитъ въ о. Серафимѣ; съ нимъ-то именно онъ и не сошелся. Между тѣмъ о. Ѳеодоръ истинный подвижникъ, постничество его чрезвычайное; отъ своей милостыни онъ постоянно въ долгахъ“.

(Мая 22-го 1855 г.) „Нынѣ (въ Духовъ день) у насъ служилъ о. Ѳеодоръ, а это—большая рѣдкость“.

До своего инспекторства онъ могъ служить только тогда, когда не могли почему нибудь служить въ академической церкви архимандриты старшіе его по службѣ,—о. ректоръ и о. инспекторъ; потому что архимандритамъ не только вдвоемъ, но и втроемъ служить было не принято и младшіе, когда въ академіи служилъ старшій, если не хотѣли оставаться неслужащими, должны были отыскивать себѣ для служенія какую нибудь другую церковь:—если не получали пригла-

шенія служить въ какой нибудь приходской церкви,—служили въ одномъ изъ монастырей Казани, гдѣ монахи тоже не всегда рады бывали служенію архимандрита, такъ какъ оно не убавляло, а прибавляло для нихъ труда священнослуженія: безъ архимандрита служилъ бы одинъ іеромонахъ, а съ архимандритомъ нужно было служить двоимъ; зависимость въ экипажѣ и лошадяхъ отъ выѣзда другихъ академическихъ архимандритовъ тоже дѣлала затрудненіе для о. Теодора въ отыскиваніи мѣста служенія внѣ академіи. Все это должно было для о. Теодора дѣлать тоже несовѣтъ пріятнымъ его положеніе въ Казанской академіи, до инспекторства, какъ лишняго архимандрита. Лишатся общенія въ трапезѣ Господней изъ-за того, что не гдѣ было служить,—это не могло не огорчать его.

(*Юня 5-го 1855 г.*). „Въ среду около вечеренъ пріѣхалъ Преосвященный (Архіепископъ Григорій, отпущенный изъ Петербурга, гдѣ онъ присутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ)... „Нынѣ о. Ректоръ и о. Теодоръ приглашены были служить съ нимъ и потомъ—къ его обѣду. У насъ служили только о. Веніаминъ и о. Григорій; о. Серафимъ былъ въ Академіи, но не служилъ,—вѣроятно, по болѣзни“ (За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ даже по должности инспектора не принималъ студентовъ). „Но и онъ, и о. Веніаминъ, и о. Григорій тоже обѣдаютъ у Преосвященнаго... О. Теодоръ недавно сказалъ въ классѣ, по поводу прочтенія нѣкоторыхъ студенческихъ сочиненій, что здѣсь очень много людей съ превосходными дарованіями,—и въ началѣ, и въ серединѣ, и въ концѣ списка“.

(*Юня 17—20-го 1855 г.*). Нынѣ надѣюсь сходить къ обѣднѣ—тоже на кладбище“ (Кладбище въ Казани очень близко отъ Академіи,—противъ оконъ ея и отдѣляется только полемъ, представляющимъ собою неправильный многоугольникъ). „О. Теодоръ нынѣ уже не ходитъ туда; онъ живетъ въ Ивановскомъ монастырѣ, который принялъ на время отлучки о. Ректора Семинаріи; вотъ уже недѣля слишкомъ, какъ онъ переѣхалъ туда“.

(1855/56 учебный годъ).

(*Августа 28 и 29-го 1855 г.*). „О. Теодоръ наконецъ пріѣхалъ“ „Нынѣ въ классѣ онъ выражалъ старшимъ студентамъ, что

хотѣлъ было онъ бѣжать изъ академіи, да его не пустили; значитъ онъ и еще останется у насъ“.

(Сент. 4 и 5-е 1855 г.). „Во вторникъ служеніе было,“ (въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ) „самое торжественное: служили: Преосвящ. Григорій, о. Ректоръ, о. Веніаминъ—архимандритъ,—Настоятель Зилантова монастыря, о. Серафимъ, о. Ѳеодоръ, о. Иннокентій Іеромонахъ-инспекторъ семинаріи, еще іеромонахъ, о. ключарь—очень молодой, еще необросшій волосами священникъ изъ наставниковъ семинаріи и еще одинъ священникъ въ скуфѣ; итого—9 человекъ. Здѣсь-то, о. Ѳеодоръ, благословляя меня, передалъ мнѣ Ваше благословеніе, которое, говоритъ онъ, Вы съ нимъ послали мнѣ“. „Въ понедѣльникъ былъ праздникъ въ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ нынѣ живетъ о. Ѳеодоръ. Тамъ служилъ Преосвященный Никодимъ ¹⁾ и изъ нашихъ, кромѣ о. Ѳеодора, о. Веніаминъ и о. Григорій. Преосвящ. Никодимъ не остался на обѣдъ и обѣдали у о. Ѳеодора только наши съ дяконами, да еще одинъ странникъ изъ Іерусалима, жившій нѣсколько времени и на Аѳонѣ, который занималъ ихъ разсказами о Туркахъ и Англичанахъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. О. Ѳеодоръ за обѣдней сказывалъ проповѣдь“.

„Вышла вторая книжка Православнаго Собесѣдника. Въ ней продолжаютъ прежнія статьи; а новыя,—кажется,—только двѣ: О. Ректора—о раскольническихъ книгахъ и—Преосвящен. Григорія О словѣ „истиннаго“ въ Символѣ Вѣры. Статья о. Ѳеодора—„Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ“ — не будетъ помѣщена, потому что она, по экзегетическому своему характеру, должна бы была отправиться для цензуры въ Свят. Синодъ; (а кажется мнѣ,—больше по недоброжелательству; А. Н. Іорданскій, какъ цензоръ, не одобрилъ за темноту и тяжесть выраженій)“.

(Сент. 17 и 18-го 1855 г.). „Классы В. И. Григоровича (по славянской Палеографіи) очень занимательны, такъ что даже и изъ другихъ отдѣленій студенты, хотя незаконно, приходятъ слушать его, священники, которые ходятъ на раскольническое отдѣленіе, тоже всѣ слушаютъ Григоровича. А

¹⁾ Казанцевъ—викарій Казанскій, скончавшійся епископомъ Енисейскимъ.

о. Тихонъ,—кладбищенскій священникъ, который уже цѣлый годъ слушалъ раскольническіе лекціи, выпросилъ дозволеніе у о. Теодора ходить и на его лекціи, несмотря на то, что ему будетъ уже лѣтъ подь-сорокъ.

О. Григорій читаетъ о кн. псалтирь,—именно толкованіе псалмовъ, подрядъ,—сколько можно судить,—въ духъ и силъ о. Теодора; вѣроятно,—его лекціи. Никакой журналъ не отказался бы помѣстить на своихъ страницахъ такой разборъ, если бы это былъ разборъ не духовнаго, а какогонибудь свѣтскаго поэтическаго произведенія ¹⁾. О. Теодоръ былъ короткій пріятель Гоголя, его почитатель; онъ написалъ столько о немъ и возилъ ее на цензуру къ Митрополиту Филарету. Интересно было бы почитать, если бы онъ ее да напечаталъ“!

(25-го Сент. 1855 г.). „На другой день“ (Сергіевъ день, приходившійся въ 1855 г. въ воскресенье)“ въ 9 часовъ поѣхали мы съ о. Серафимомъ въ Спасскій монастырь. Тамъ министр“ (мин. народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ) „обѣщался стоять обѣдню; служилъ самъ Преосвященный“,—(Преосвящ. Никодимъ—викарій Казанскій, который и жилъ тамъ, какъ и всѣ викаріи Казанской епархіи, управляющіе Спасскимъ монастыремъ), „о. Серафимъ, о. Теодоръ, Инспекторъ Семинаріи—іеромонахъ Иннокентій, и о. Варсонофій. Но и здѣсь только ждали Его Превосходительство, а онъ не пріѣхалъ. Послѣ обѣдни, на молебнѣ случилась довольно смѣшная вещь: какой-то дьяконъ, по старой привычкѣ, вѣроятно,—вмѣсто того, чтобы помянуть на эктении Епископа Никодима; рывкнулъ: „Никодима Архіепископа“! Преосвященный, хотя негромко, но такъ, что довольно далеко можно было слышать, сказалъ: „Епископа“ О. Теодоръ засмѣялся“.

(Окт. 8 и 9-го 1855 г.) „Нерадостную новость сообщу вамъ нынѣ: о. Серафимъ уже не о. Инспекторъ нашъ! Онъ переведенъ ректоромъ въ Симбирскъ. Но мы не остались безъ инспектора: вчера пришла объ о. Серафимѣ бумага изъ Св. Синода, тою же самою бумагой въ инспектора намъ опре-

¹⁾ Изъясненія пророческихъ псалмовъ еще не напечатаны, кромѣ изъясненіе втораго псалма, которое напечатано въ Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ за 40-е годы.

дѣленъ о. Теодоръ. Въ академіи старшіе студенты, у которыхъ живо воспоминаніе о временахъ бывалой вольности, и нѣкоторые изъ младшихъ, особенно тяготившіеся стѣснительными мѣрами, отъ души рады этой перемѣнѣ; другіе боятся, способенъ ли будетъ о. Теодоръ, съ своимъ созерцательнымъ характеромъ, управиться съ такой семейкой и, при случаѣ, отстоять пользы студентовъ. Да! скоро, я думаю, увидать,—на комъ держался въ академіи порядокъ. Нынѣ въ 11 часовъ о. ректоръ приводилъ къ намъ въ классъ новаго о. инспектора; сказалъ рѣчь о нашихъ обязанностяхъ къ нему, а потомъ мы пошли въ номера и о. ректоръ провелъ о. инспектора по комнатамъ; здѣсь мы приняли благословеніе у новаго о. инспектора. Въ классѣ (у о. Теодора былъ нынѣ классъ) онъ говорилъ что-то о своемъ будущемъ управленіи, только — по обыкновенію, — очень тихо; а кажется,—какъ говорятъ,—извѣстное,—что онъ будетъ смотрѣть не на форму, не на внѣшность, но на духъ; словомъ, говорилъ противъ фарисейскаго направленія; упомянулъ, что будетъ употреблять и бичъ. Но много еще будетъ можно писать о будущемъ управленіи; вѣроятно, много интереснаго будетъ сказано, сдѣлано и произойдетъ“.

(Архимандритъ Теодоръ — Профессоръ и Инспекторъ).

„О. Веніаминъ выдалъ словесную декларацію, что онъ всячески будетъ поддерживать старый порядокъ вещей; о. Теодоръ смотритъ на свое избраніе какъ на особое призваніе Промысла. День, въ который онъ принялъ присягу и былъ представленъ намъ, случился ровно черезъ годъ послѣ того, какъ онъ говорилъ здѣсь первую лекцію“.

(*Ноябрь 15 и 16-го числа 1855 г.*) „У насъ идетъ во всемъ прежній порядокъ; это подтвердилъ самъ о. ректоръ“; и (подтвердилъ то требованіе, чтобы во всемъ поддерживался порядокъ бывший въ инспекторство о. Серафима) „о. Веніаминъ общается держаться за старые порядки обѣими руками, и—дѣйствительно,—удвоилъ свою бдительность“; (о. Веніаминъ въ то время продолжалъ еще отправлять должность Помощника Инспектора), „о. Теодоръ живетъ еще въ монастырѣ; (говоритъ, завтра переходитъ); но уже остановилъ покушеніе студентовъ записываться и по четвергамъ до 8 часовъ.“

Именемъ новаго о. инспектора сдѣлано одно только новое распоряженіе: у насъ на утренней молитвѣ прибавлены тропари Казанской Божіей Матери и Безплотнымъ Силамъ“. (Академическая церковь посвящена архангеламъ и ангеламъ).

(Окт. 22 и 23-го 1855 г.) „Вы пишете, что мы, кажется, не очень довольны, что о. Феодоръ намѣренъ водворить у насъ, вмѣсто формы, владычество духа. Нѣтъ,—отъ души желаю, чтобы введенныя формы прониклись благимъ духомъ, которымъ глубоко проникнуть о. Феодоръ. И студенты скорѣе радуются вступленію о. Феодора, потому что надѣются уничтоженію несносной для нихъ формы, надѣются бѣльшей вольности, послабленія въ управленіи. А я, какъ выражалъ, Вамъ это въ прошедшемъ письмѣ, боюсь именно этого же послабленія,—чтобы, съ возвращеніемъ этой вольности, не возвратился прежній духъ вольномыслія, духъ Гегелевой философіи, подавленный строгостію о. Серафима. Вотъ чего и нѣсколько опасался; но, кажется, никакой рѣзкой перемѣны не будетъ. На этой недѣлѣ о. Феодоръ ходилъ по комнатамъ,—въ первый разъ, съ о. Веніаминомъ. По вечерамъ бывалъ на молитвѣ, вчера былъ въ столовой. Обратилъ вниманіе на то, что студенты ходятъ по корридору во время занятныхъ часовъ; обратилъ вниманіе на то, что у насъ нехорошъ хлѣбъ. О. Серафимъ передъ отъѣздомъ особенно просилъ его наблюдать за столомъ студентовъ; у него часто изъ за стола нашего были споры съ о. Экономомъ, какъ это мы узнали уже послѣ“.

Въ объясненіе такого моего страха,—какъ бы невозвратилось гегеліанство и невѣріе, скажу, что онъ возбуждался разказами изъ временъ V-го курса, т. е. когда студенты старшаго курса были еще въ младшемъ,—о нѣсколькихъ случаяхъ полнѣйшаго невѣрія, соединеннаго съ возмутительнымъ лицемѣріемъ напускнаго благочестія. Такія печальныя явленія въ академической жизни развивались тогда именно благодаря инспекторству монаха глубоко-благочестиваго, но вовсе не понимавшаго жизни, архимандрита Паисія. Очень естественно было съ моей стороны опасаться возвращенія этого времени и въ инспекторство о. Феодора,—тоже человѣка не отъ міра сего. Продолжаю выписку:

„Я вамъ писалъ въ прошедшемъ письмѣ, что о. Феодоръ прибавилъ у насъ два тропаря на молитвѣ утренней. Не-

давно онъ обратился къ старшему дежурному съ вопросомъ,—почему же это не читаютъ ихъ? ему отвѣтили, что читаютъ поутру. „Ахъ,—какъ же это“, сказалъ онъ, „вотъ отецъ-то Веніаминъ слышитъ ихъ, а я и не буду имѣть этого утѣшенія; ужъ чѣмъ же я виноватъ!“ Такой удивительный!“.

„Митрополитъ, въ проѣздѣ о. Θεодора“ (черезъ Москву) „далъ ему служителя—великана, который и живетъ теперь здѣсь въ академіи; Преосвящ. Филаретъ, должно быть, любитъ о. Θεодора“.

(Октября 29 и 30-е 1855 г.) „Новый о. Инспекторъ посѣщаетъ насъ нерѣдко и въ номерахъ, и въ столовой, а на вечерней молитвѣ бываетъ почти каждый разъ. Перемѣня въ управленіи никакихъ нѣтъ. При посѣщеніи номеровъ, о. Θεодоръ иногда говоритъ съ студентами о предметахъ ихъ занятій“.

„По приходѣ своемъ“ (изъ города,—послѣ отлучекъ, на которыя каждый разъ испрашивалось разрѣшеніе инспектора въ книгѣ; такъ и говорилось: записываться въ городъ),—„по приходѣ своемъ, студенты являются нынѣ не къ о. инспектору, какъ это бывало прежде, и къ о. Веніамину. О. Θεодоръ, говорятъ, принимаетъ очень ласково: когда одинъ студентъ, по обыкновенію, остановился было въ его прихожей, онъ взялъ его за руки и ввелъ въ залу, говоря: вотъ ужъ и видно, что—дитя закона!“

(Ноября 12 и 13-е 1855 г.) *Воскресенье послѣ обѣдни.* „Вчера за всенощной и нынѣ за обѣдней я, какъ мнѣ слѣдовало по очереди, стоялъ въ алтарѣ; нынѣ служилъ о. Θεодоръ. Что это за человѣкъ! смиреніе его выходитъ изъ границъ общественныхъ приличій; ему подашь книгу, а онъ тебѣ хочетъ кланяться. Объ внѣшности своей онъ вовсе не думаетъ: всегда растрепанный, постоянно о чемъ-то думаетъ и забываетъ—что ему слѣдуетъ говорить и дѣлать; ряса его изъ самой бѣдной шерстяной матеріи,—толстая и рѣдкая. Однимъ словомъ,—престранный человѣкъ! На дняхъ онъ вздумалъ посѣтить больницу и просидѣлъ тамъ два часа—въ разговорахъ съ больными. Правда, при этомъ онъ принесъ одному изъ больныхъ планъ для его курсоваго сочиненія и долго толковалъ съ нимъ объ этомъ предметѣ“.

(Ноября 26 и 27 1855 г.) „На этой недѣлѣ всѣ умы нашей

академіи были заняты однимъ произшествіемъ. Нѣкто изъ старшихъ студентовъ сдѣлался виноватъ“. (Съ такой дипломатической неопредѣленностью выражался я даже въ письмахъ моихъ домой; мнѣ не хотѣлось даже и своимъ родителямъ сказать прямо:—попался въ пьянствѣ. Продолжаю въ писку): „О. Веніаминъ, который при этомъ былъ лично обиженъ имъ, довель дѣло до свѣдѣнія о. ректора; о. ректоръ велѣлъ подавать этому студенту просьбу объ исключеніи; сколько ни просилъ о. Феодоръ о снисхожденіи, о. ректоръ оставался неумолимъ, не смотря на то, что этотъ студентъ былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ его учениковъ и изъ самыхъ даровитыхъ. О. Феодоръ предлагалъ о. ректору, что лучше онъ подастъ просьбу объ увольненіи, такъ какъ онъ считаетъ себя нѣкоторымъ образомъ причиною этихъ неустройствъ. Студенты были до высшей степени раздражены противъ о. Веніамина, который хотѣлъ поддержать прежнюю строгость ¹⁾, между тѣмъ какъ о. Феодоръ хотѣлъ дать свободу студентамъ. Потому ли, что о. Веніамина поддерживалъ о. ректоръ,—потому ли, что о. Феодоръ вовсе не способенъ къ дѣйствительной жизни, но только направленіе о. Веніамина торжествовало. Недавно, напримѣръ, студенты просили о. Феодора объ одной льготѣ,—именно о позволеніи отлучаться безъ особаго разрѣшенія въ городъ до 6 часовъ; и о. Феодоръ уже былъ согласенъ на это,—только хотѣлъ поговорить съ о. ректоромъ; но на другой день онъ объявилъ, чтобы просили о томъ о. Веніамина; публично признался онъ старшимъ, что онъ инспекторъ только номинальный. Потому-то и на настоящій случай о. Феодоръ смотритъ какъ на слѣдствіе „столкновеніе двухъ началъ“, и считаетъ себя причиною этого разстройства ²⁾. Много и успѣшно утѣшалъ

¹⁾ Въ предшествовавшемъ году былъ аналогичный случай, когда безумныя слова пьянаго студента относились къ самому инспектору, лично присутствовавшему при заключеніи буяна въ карцеръ, а заключенный лѣзъ къ о. Серафиму съ пьяными объятіями и нѣжностями. Правда, то былъ студентъ, можно сказать, только что принятый въ академію; исторія разыгралась въ академическій праздникъ,—8 ноября; этотъ, не ко-двору оказавшійся новичекъ, немедленно же удаленъ былъ изъ академіи.

²⁾ По всей вѣроятности, вина студента обуславливалась какими нибудь послабленіями въ дисциплинѣ, въ которыхъ и попался начальству новый инспекторъ.

онъ студента, которому объявлено было исключеніе; но наконецъ, по просьбѣ самаго о. Веніамина, о. ректоръ отмѣнилъ свое рѣшеніе. О. Ѳеодоръ ужасно страдаетъ духомъ отъ этихъ неустройствъ; по его выраженію, — „распинается, — въ гробъ кладется“. О. Веніаминъ тоже очень тяготится общимъ неудовольствіемъ; „и тѣ, которые прежде меня уважали“, говоритъ онъ, „теперь глядѣть на меня не хотятъ; чай ужъ самъ Лаврскій, — и тотъ на меня сердится“. Такъ вотъ какъ измѣнились дѣла наши послѣ о. Серафима. О. Ѳеодоръ утѣшаетъ себя тѣмъ, что брань на землѣ необходима; „даже и между святыми-то“, говоритъ онъ, „пока они на землѣ, такъ все идетъ война; вѣдь вотъ, на примѣръ, — Филаретъ; вѣдь ужъ святой; чудеса творить; я самъ былъ свидѣтель; а вѣдь какъ иногда ударить духовнымъ-то мечемъ! еще нынче это рѣже; а прежде такъ и очень часто“.

„О. Ѳеодоръ, говорятъ, рѣшительно подалъ просьбу объ увольненіи; жаль, если онъ выйдетъ, и намъ не придется послушать его!“

(Декабря 4 дня 1855) Воскресенье. „Говорятъ, о. Ректоръ уѣхалъ въ Седміозерную пустынь, принимать дѣла отъ игумена; вотъ уже третій день, какъ вѣтъ его; потому нынѣ служилъ у насъ о. Ѳеодоръ. Когда о. Ѳеодоръ ходитъ по комнатамъ, онъ иногда смотритъ у студентовъ сочиненія и высказываетъ свои мысли о предметѣ разсужденія. И у меня вотъ уже два раза смотрѣлъ онъ сочиненіе, замѣтилъ на одинъ примѣръ, взятый мною изъ исторіи русской литературы, что моя мысль едва ли вѣрна (Я и самъ видѣлъ ея невѣрность, но не могъ безъ нея обойтись; да и вообще, я рѣдко пишу сочиненія согласно съ своимъ убѣжденіемъ; большею частію долженъ писать противъ убѣжденія, чтобы не противорѣчить взглядамъ наставника). Затѣмъ о. Ѳеодоръ привелъ одно мѣсто изъ переписки Гоголя съ друзьями. И старшіе студенты признаются, что чрезвычайно трудно понимать о. Ѳеодора, — понять связь его мыслей“.

Счастье о. Ѳеодора, что онъ не могъ знать этихъ признаній студента Лаврскаго! Какимъ огорченіемъ было бы для него узнать, что студентъ при своей умственной работѣ во все не объ истинѣ заботился, а только о томъ, чтобы угодить наставнику и получить оцѣнку своей работы возможно высшимъ балломъ. Въ то время мнѣ и въ голову не прихо-

дѣло, что слѣдовало бы мнѣ стыдиться тогдашняго моего утилитарнаго взгляда на академическое образованіе; сказать, что одинъ изъ студентовъ попался въ пьянствѣ, — мнѣ не хотѣлось, — совѣстно было за этого студента; а объ себѣ я съ полною откровенностью писалъ родителямъ: „не думайте, чтобы меня занимало и тревожило мѣсто въ спискахъ; нѣтъ, — если я чувствую побужденіе къ занятіямъ, то это отнюдь не дѣтское желаніе быть повыше на бумагахъ и считаться въ школахъ умнѣе того и того, а развѣ мысль, что отъ моихъ теперешнихъ занятій зависятъ средства на всю будущую жизнь, зависить самая судьба моя“ т. е. пошлютъ ли меня по окончаніи курса въ одну изъ семинарій центральной полосы или куда нибудь въ Далматовъ, въ Якутскъ. И вотъ такая забота о будущемъ заставляла меня „писать противъ убѣжденія, чтобы только не противорѣчить взглядамъ наставника“. Какая разница съ тѣмъ, что говорилъ мнѣ послѣ о. Теодоръ объ отношеніи Владиславлева къ его неудавшемуся сочиненію ¹⁾. О. Теодоръ только и думалъ объ истинѣ, а я какъ Пилать говорилъ: „что есть истина!“ стоитъ ли изъ за нея распинаться?

„Ото-всенощной я прошелъ къ о. Теодору — попросить позволенія его идти завтра къ обѣднѣ въ соборъ. О. Теодоръ сказалъ мнѣ: „съ Богомъ!“ потомъ заговорилъ опять о моемъ сочиненіи, потомъ о литературѣ, — русской и западной; говорилъ, что „Западъ имѣетъ еще нѣкоторое оправданіе себѣ въ своей исторіи; а мы, по своему развитію историческому, совершенно безотвѣтны въ дурномъ направленіи нашей литературы. Идея въ произведеніи есть мысль Бога Слова; оттого-то она и бываетъ прекрасна. Когда эту мысль разсматриваютъ отвлеченно, — будетъ философія, а когда воплощаютъ ее въ какомъ нибудь образѣ — искусство. Когда литература со Христомъ, — она дѣйствуетъ благотворно; но — если не со Христомъ, — то ужъ противъ Него. Конечно, Господь сказалъ и то, что — кто не противъ Него, тотъ за Него; но это онъ сказалъ о тѣхъ, которые дѣйствуютъ хотя и разногласно между собой, но все таки во имя Христова. Когда смотрятъ на мысль Бога — Слова, тогда произведеніе бываетъ прекрасно даже и въ томъ случаѣ, когда берутся предметы

¹⁾ См. Богослов. Вѣстн. Іюль, 1905 г. стр. 312.

низкіе, черныя, потому что любовь-то Божія всюду за нами идетъ,—все стараясь привлечь насъ. Тутъ онъ привелъ въ примѣръ своего Гоголя. Иногда, продолжалъ онъ, писатель можетъ и безсознательно воплощать идею Христову; но вѣдь ужъ мы хрістіане, такъ мы должны сознать это. Мнѣ давно ужъ, сказалъ онъ въ заключеніе, хотѣлось поговорить съ вами, и тутъ онъ далъ мнѣ совѣтъ: все приводить ко Христу; „я вамъ скажу собственный опытъ“, говорилъ онъ; „когда я слушалъ науки, — я все, — какъ-то по инстинкту,—прилагалъ ко Христу; ну, и пока еще слушаешь, такъ это — такъ не ясно, темно; а какъ ужъ всю - то науку узнаешь, такъ тутъ и увидишь, что нужно принять, что—откинуть; такъ она и перейдетъ на это новое-то основаніе,—на Христа. Вѣдь любовь-то Божія вся во Христѣ; Богъ все любить во Христѣ; чего нѣтъ во Христѣ, что совершенно чуждо Христу, на то не простирается и любовь-то Божія“. Вотъ вамъ обращикъ воззрѣній о. Θεодора. Незнаю, поймете ли вы что нибудь въ моемъ перечнѣ только главныхъ его мыслей. Я, когда слушалъ его самого, такъ и тогда не всегда понималъ связь его мыслей, а иногда рѣшительно не понималъ его. Отъ самой всеобщей онъ говорилъ со мною до столовой; да и во время столовой,—почти до окончанія ея, такъ что ужъ я ужиналъ за вторымъ столомъ. Обыкновенно онъ говоритъ со студентами ходя по своей гостинной и держа студента подъ руку; точно также и у меня одну руку онъ держалъ въ своихъ рукахъ и мялъ ее; иногда, — въ пылу разговора, останавливался и хваталъ меня за руку; чѣмъ больше онъ говоритъ, тѣмъ больше воодушевляется: чтобы вамъ получить понятіе объ его иступленномъ разговорѣ,—представьте себѣ, какъ говоритъ человѣкъ въ сильномъ гнѣвѣ или испугѣ. Таковъ нашъ отецъ Θεодоръ“.

Хорошо, что новый Беда—проповѣдникъ не видѣлъ, какой глухой и нѣмой камень былъ тогда передъ нимъ въ лицѣ студента Лаврскаго, съ которымъ ему такъ „давно уже хотѣлось поговорить“. Не вдругъ настало время, когда отъ камня послышалось отвѣтное: аминь!

(Декабря 10 и 11-е 1855 г.). „О. Θεодоръ, который теперь вмѣсто о. Серафима, до пріѣзда о. Діодора, читаетъ Нравственное Богословіе, и тутъ высказывается весь, съ своимъ самостоятельнымъ взглядомъ, не смотря на то, что теперь

идеть повтореніе. Недавно, говорятъ, онъ читалъ въ классѣ свое сочиненіе о праздникахъ, изложенное въ видѣ писемъ; въ немъ онъ разсматриваетъ таинственное значеніе праздниковъ для души христіанина,—праздники въ душѣ. Вотъ такія бы статьи печатать въ Православномъ Собесѣдникѣ! Очень жалъ будетъ, если намъ не удастся послушать о. Теодора“!

Это тѣ самыя письма о двенадесятихъ праздникахъ, которыми начинается сборникъ статей о. Теодора, носящій заглавіе „О Православіи въ отношеніи къ современности“. Конечно, нельзя было и думать о напечатаніи этихъ писемъ въ новомъ академическомъ журналѣ, при извѣстномъ всѣмъ умственному складѣ Высокопреосвященнаго Григорія, Архіепископа Казанскаго. Памятникомъ прямолинейности въ его мышленіи остались его „Истинно-древняя истинно-Православная Церковь“, въ области полемики противъ старообрядческой и „День святой жизни“ въ области христіанской морали. Если правда—носившійся въ академіи слухъ, что цензоръ Православнаго Собесѣдника, членъ академической конференціи, прот. А. Н. Іорданскій не пропустилъ монографіи объ Ап. Павлѣ „за темноту и тяжесть выраженій“; (см. выше, подъ 4 Сент. 1855) то письма о двенадесятихъ праздникахъ для мѣстной духовной цензуры и для издателя журнала въ лицѣ о. ректора академіи Агафангела должны были показаться сугубой тьмою (Мѣ. VI, 23).

(Декабря 18-е Воскресенье 1855 г.). „Вчера черезъ старшаго дежурнаго, послѣ ужина, получилъ я извѣщеніе, что о. Теодоръ желаетъ, чтобы я ѣхалъ съ нимъ въ соборъ къ обѣднѣ“, (въ качествѣ его митродержца; — обязанность, которую въ академической церкви исполняли всѣ студенты младшаго курса, по очереди,—а при служеніи академическихъ архимандритовъ внѣ академіи,—по особому ихъ приглашенію). Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній относительно служенія литургіи и молебна, я продолжалъ писать: „По возвращеніи, о. Теодоръ пригласилъ меня пить чай и я выпилъ стаканъ съ миндальнымъ молокомъ. Онъ обращается съ студентами какъ съ посторонними посѣтителями; такъ напримѣръ, самъ онъ сѣлъ на диванъ, а меня усадилъ въ кресло. Въ заключеніе онъ поблагодарилъ меня и просилъ засвидѣтельствовать Вамъ его почтеніе“.

(1856 г. *Генваря 3 — 5 дня*). „Отцу Θεодору отказано въ увольненіи, до окончанія курса; но это очень не утѣшительно, потому что, по окончаніи учебнаго года, онъ, конечно, подастъ еще просьбу и оставитъ нашу академію“.

(1856 г. *Генв. 11 и 12.*). „Въ воскресенье же, кажется, о. Θεодоръ сдѣлалъ у насъ нѣкоторыя новыя распоряженія; именно—что бы читали двѣ каенізмы на всеошной или, если одну-то всю, а не по одному псалму на „славу“; было принято послѣднее;—чтобы избрали нѣсколько постоянныхъ чтецовъ изъ старшихъ и младшихъ студентовъ, а прочіе младшіе студенты стануть ходить въ алтарь; я причисленъ къ чтецамъ, которыхъ избрали 5 человекъ“.

(1856 г. *Генв. 20—22.*). „Отецъ Θεодоръ, когда ѣздитъ куда нибудь служить съ Преосвященнымъ, беретъ съ собой В. И. Калатузова. Разъ какъ-то Калатузовъ вызвался съ нимъ служить въ Казанскомъ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ онъ уже самъ назначаетъ его. Послѣ обѣдни, когда самъ пріѣзжаетъ домой, поить его чаемъ и потчуетъ, какъ будто дорогаго гостя. Что это за о. Θεодоръ! какъ онъ обращается съ студентами! Нѣтъ, очень жалко будетъ, если онъ выйдетъ;—тѣмъ больше, что никакой рѣзкой неблагопріятной переменъ въ академіи, которой опасался было я съ его поступленіемъ, невидно. Недавно о. Веніаминъ жаловался было о. Θεодору, что старшіе студенты на время классовъ остаются въ комнатахъ; о. Θεодоръ просилъ его не строго смотрѣть на это,—потому что у студентовъ такъ много дѣла“.

(1856 г. *Генв. 29-го ч.*). „В. И.“ (Викторъ Ив. Григоровичъ—профессоръ Казанскаго Университета, извѣстный въ свое время славистъ, читавшій въ то время и въ Казанской Академіи лекціи о славянскихъ нарѣчіяхъ) „В. И. приглашалъ къ себѣ для занятій ходить по четвергамъ. Замѣтите, что нынѣ уже и по четвергамъ студенты увольняются до 8 часовъ“.

„Нынѣ въ 7 часовъ у насъ была всеошная (завтра Трехъ Святителей)—не для всѣхъ, а только для желающихъ; а завтра будетъ обѣдня—очень ранняя,—въ 6 часовъ съ половиной; я былъ въ алтарѣ,—не по очереди, но за недостаткомъ людей; о. Θεодоръ выходилъ на величаніе; завтра служить онъ же“. (*Феврала 4 и 5-е*). „Служба у насъ началась почти тотчасъ же послѣ молитвы;—безъ четверти въ

7 часовъ; служилъ о. Ѣеодоръ; за обѣдней были только нѣсколько пѣвчихъ и еще человѣкъ пять желающихъ; я былъ въ алтарѣ; о. Веніаминъ наградилъ меня просфоркой, а о. Ѣеодоръ велѣлъ дать съ своей стороны, такъ что я одну раздѣлилъ уже между студентами. Обѣдня и съ молебномъ отошла въ половинѣ 9-го, т. е. когда наши наставники только приходятъ въ классъ; но мы отправились не въ классъ, а въ столовую, гдѣ для насъ все еще поддерживался кипящій самоваръ. Итакъ у насъ въ понедѣльникъ былъ какъ будто праздникъ“.

Такимъ-то образомъ въ академическую жизнь, вопреки строгости о. ректора, и по нѣкоторому попустительству о. Веніамина, гдѣ по состраданію къ наукѣ, гдѣ по благоволенію къ благочестію,—прокрадывалась струйка индивидуальности: то студентъ,—такой образецъ аккуратности, какъ Лаврскій, опуститъ два урока греческаго языка и одинъ урокъ еврейскаго, чтобы къ сроку переписать сочиненіе; то цѣлая кучка студентовъ-добровольцевъ церковной службы пропуститъ первую лекцію за самоваромъ, съ вѣдома начальства. Не будь это такое небывалое, немыслимое при о. Серафимѣ нарушеніе безотрадной регулярности академической жизни, развѣ нашлись бы охотники между студентами отстоять всенощную и обѣдню въ понедѣльникъ? а тутъ,—все же „какъ будто праздникъ“.

„Нынѣ у насъ расписываются и до 9 часовъ; безъ затрудненія увольняются и отъ обѣда, какъ напримѣръ нынѣ Калатузовъ. Мнѣ очень пріятно бываетъ смотрѣть на этихъ людей, какъ онѣ прибѣжитъ—разряженный, раскраснѣвшійся, какъ опаленный,—съ лицомъ, на которомъ удовольствіе пріятно проведеннаго вечера не успѣло еще улечься; такъ и видно еще, что онѣ сейчасъ только прыгали или вертѣлись въ какомъ нибудь танцѣ“.

(1856-го *Февр.* 11—13). „Вмѣсто о. Григорія“, (который былъ боленъ), въ слѣдующую среду къ намъ придетъ о. Ѣеодоръ, станетъ учить насъ, какъ должно сочинять проповѣди; съ недѣли Мытаря и Фарисея мы проповѣди представляемъ уже не Ивану Яковлевичу“ (—Порфирьеву,—бакалавру Словесности),—а о. Ѣеодору; вѣроятно, такъ ему самому захотѣлось; да такъ бы и слѣдовало, кажется, чтобы проповѣди представлялись инспектору, потому что въ нихъ,—

волей-неволей,—а уже все болѣе или менѣе студентъ выскажется, если только не спишетъ слово въ слово. Я очень радъ этому случаю; кто знаетъ,—быть можетъ, намъ не придется въ старшемъ курсѣ послушать его. А замѣчательное сходство между идеями о. Θεодора и идеями Гоголя; нынѣ мы читали его переписку съ друзьями: при этомъ старшіе студенты безпрестанно поражались удивительнымъ сходствомъ между идеями и даже выраженіемъ того и другаго. Извѣстно, что они были коротко знакомы; но—кто изъ нихъ у кого заимствовалъ этотъ духъ и взглядъ?—Невѣроятно было бы думать, что духовный отъ свѣтскаго“.

„О. Θεодоръ нашелъ себѣ христіанскую игрушку: это—цятилѣтній мальчикъ,—сынъ нашего повара; онъ обѣдалъ съ о. Θεодоромъ; о. Θεодоръ бѣгаетъ съ нимъ по комнатамъ; примѣриваетъ на него свой клобукъ. На этой недѣлѣ о. Θεодоръ дня на два уѣзжалъ въ Свѣжскій монастырь“.

(1856 г. Февр. 18 и 19). „Въ среду, вмѣсто о. Григорія былъ у насъ о. Θεодоръ. Но напередъ долженъ вамъ сказать, что во вторникъ вечеромъ о. Θεодоръ прислалъ новое, свое расписаніе проповѣдей; прежде намъ было назначено по двѣ проповѣди во весь годъ; одну уже я сказалъ, другую долженъ былъ писать на недѣлю крестопоклонную; теперь о. Θεодоръ расписалъ всѣхъ студентовъ на великій постъ; каждую среду и пятницу у насъ будетъ служба; классовъ не будетъ; за каждой обѣдной проповѣдью. По этому новому расписанію, мнѣ назначено говорить проповѣдь въ субботу на 1-й недѣлѣ великаго поста,—слѣдовательно,—предъ причащеніемъ. Каждый студентъ, прочитавъ евангеліе или положенное чтеніе изъ ветхаго завѣта, и обдумавъ избранную имъ тему, долженъ придти за совѣтомъ къ о. Θεодору. Теперь вамъ и понятно будетъ,—почему въ среду о. Θεодоръ говорилъ у насъ о проповѣданіи слова Божія; онъ показывалъ начало и основаніе проповѣдыванія вообще и особенныя нужды нашего времени, къ которымъ должны быть направляемы рѣчи проповѣдника. Говоритъ онъ хорошо, увлекательно и даже—пожалуй—ясно; понимаешь каждую мысль и связь ихъ, и ходъ его мыслей; но, если спросишь себя по совѣсти, то должно признаться, что самую сущность его ученія понимаешь очень мало! Слишкомъ высокъ его взглядъ; онъ говоритъ какъ пророкъ.

„Какъ я радъ, что мы весь постъ будемъ ходить къ преждеосвященнымъ обѣднямъ! Еще ни одинъ постъ этого для меня не бывало; спасибо о. Теодору, что онъ рѣшился привести въ исполненіе это синодское распоряженіе, которое нигдѣ не исполняется. Напротивъ, мнѣ не совѣтъ пріятно, что проповѣдь назначена мнѣ въ такое время, когда не слѣдовало бы заниматься посторонними предметами; какъ бы то ни было, а все-таки болѣе или менѣе она станетъ развлекать меня. О. Веніаминъ говорилъ мнѣ, что онъ тоже представлялъ о. Теодору о томъ, какъ затруднительно для меня назначеніе проповѣди предъ причащеніемъ; но о. Теодоръ сказалъ, что пусть онъ (т. е. я) поставитъ себя въ такое расположеніе духа, чтобы его проповѣдь служила назиданіемъ не только для другихъ, но для него самого. Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ,—проповѣдь не будетъ для меня большимъ затрудненіемъ: о. Теодоръ разовѣтъ мои мысли, я напишу ее пораньше и сдамъ съ рукъ; а произношеніе—дѣло неважное“.

„Въ субботу, вмѣсто о. Григорія, у насъ былъ опять о. Теодоръ,—читалъ свои лекціи о пророчествѣ Исаіи; онъ вѣдь въ Московской академіи преподавалъ Св. Писаніе. И въ этихъ лекціяхъ выражается созерцательный духъ о. Теодора,—духъ посланій Св. Апостола Павла. Кажется, и для ученія, и для всей жизни о. Теодора можно выбрать эпиграфомъ: *живу же не тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*; онъ все видитъ во Христѣ, объясняетъ чрезъ Христа,—все относитъ ко Христу—и въ мірѣ, и въ дѣйствіяхъ христіанина. Въ среду на масленицѣ онъ опять будетъ у насъ, вмѣсто о. Григорія“.

(1856 г. Февр. 25 и 26). „Въ среду у насъ опять былъ въ классѣ о. Теодоръ; а вечеромъ всенощная и въ четвергъ обѣдня“. (Это были среда и четвергъ масленицы). Въ четвергъ послѣ обѣдни я ходилъ къ о. Теодору—спросить его совѣтовъ о проповѣди. Я было обдумалъ уже себѣ и тему, написалъ было и даже „расположеніе“ ¹⁾; намѣренъ былъ только просить утвержденія. Но лишь только узналъ о. Теодоръ—на какой день мнѣ назначена проповѣдь,—тотчасъ началъ говорить самъ, какъ будто это уже было у него

¹⁾ „Расположеніе“—терминъ гомилетики;—планъ проповѣди.

давно обдуманное и рѣшенное: вы напишите проповѣдь изъ словъ Христовыхъ, сказанныхъ Имъ послѣ того, какъ Онъ преподавалъ іудеямъ ученіе о таинствѣ евхаристіи: „глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть“ (Іоан. VI, 63). И потомъ онъ началъ излагать ученіе о духѣ и силѣ таинства причащенія. Долго говорилъ онъ; но я очень плохо его понималъ. „Понимаете ли вы?“—спросилъ онъ.—Едва ли понимаю,—Ваше Высокопреподобіе!—„Да, какже тутъ не понимать!“—и онъ снова говорилъ еще столько же. Между тѣмъ его,—еще до моего прихода,—просилъ къ себѣ зачѣмъ-то о. ректоръ; онъ умывался, одѣвался и—все не переставалъ говорить. Наконецъ я попросилъ позволенія записать слышанныя мною мысли и потомъ показать ему, чтобы онъ видѣлъ, такъ ли я его понималъ; о. Теодоръ одобрилъ такое намѣреніе. При прощаньи онъ спросилъ о Вашемъ здоровьи, просилъ Вамъ написать его поклонъ и—то, что самъ онъ все не очень здоровъ и проситъ молитвъ Вашихъ“.

„Нынѣ, въ субботу, я былъ у обѣдни—на кладбищѣ“. (Это была вѣдь масленица; лекцій не было). А послѣ обѣдни я отнесъ о. Теодору его мысли, записанныя мною почти машинально. „Вы поняли отчасти“, сказалъ о. Теодоръ, „но—до завтра; сперва ужъ вотъ надобно это“,—и онъ указалъ на лежавшую передъ нимъ проповѣдь къ завтрашнему дню. Однако онъ долго,—около часа,—говорилъ мнѣ о *духѣ* вообще; и—признаюсь,—опять я очень мало понималъ. Право,—не знаю, какъ вамъ и объяснить: чего именно не понимаешь у о. Теодора; кажется—все понимаешь; а выходитъ, что не понимаешь ничего. Старшіе студенты говорятъ, что они уже начали понимать его мысли, насколько это возможно,—насколько онъ находитъ для нихъ выраженіе въ словахъ. При этомъ,—кажется,—частію не понимаешь его и потому, что онъ не считаетъ нужнымъ пояснить такія состоянія духа, которыя для него осязательно-ясны, потому что онъ ихъ пережилъ, почувствовалъ, но которыя намъ не были знакомы. „Войти въ духъ“, „все основать на Словѣ“,—„сила“,—это слова и выраженія, которыя онъ оставляетъ почти безъ объясненія. Можетъ быть, со временемъ и мы сколько нибудь поймемъ его“.

„Насъ очень лакомятъ на масленицѣ“;... „Кромѣ этихъ

домашнихъ удовольствій, студенты имѣли удовольствія и внѣ академіи; это—катанье на татарахъ и театрѣ. Для этого студенты записываются куда нибудь отъ 11-ти до 4-хъ часовъ, будто на блины или на обѣдъ,—и отправляются въ утренній спектакль. Вотъ уже три дня за обѣдомъ столовая наша бываетъ очень пуста; часа въ 3^{1/2} голодные театралы прибѣгаютъ,—пообѣдаютъ что оставить имъ предусмотрительность череднаго“; (—череднаго по кухнѣ,—студента, который, по очереди, наблюдалъ во время обѣда и ужина за отпускомъ порцій изъ кухни). „Нѣкоторые изъ казанцевъ уволены за время масленицы къ родственникамъ въ городъ“.

(*Воскресенье, послѣ обѣдни 26-е число*). Сегодня произнесена была первая проповѣдь изъ подѣ рецензіи о. Теодора; но я нынѣ стоялъ въ алтарѣ и,—къ сожалѣнію,—не имѣлъ возможности хорошенько разслушать ее; впрочемъ замѣтилъ въ ней слѣды мыслей о. Теодора. Всѣ наши начальствующіе теперь уѣхали прощаться ко Владыкѣ; студенты разбрелись,—которые къ знакомымъ, а большая часть въ театрѣ. Теперь въ комнатѣ мы только двое съ Д...; въ академіи водворилась мертвая тишина; лишь вѣтеръ жалобно воетъ въ форточкѣ. Нѣтъ! ужасно не хочется идти къ І.....мъ; чтожь? вѣдь не голову снимутъ, имъ скажутъ, что я былъ у нихъ въ пятницу“.

Слѣды показного благоприличія и благовоспитанности,—неизбѣжно переплетающіеся съ слѣдами лицемѣрія еще свѣжи: никому изъ студентовъ и въ голову не приходило—записаться въ книгѣ отлучекъ изъ академіи открыто: „въ театрѣ, на утренній спектакль“, хотя о. Веніаминъ, по всей вѣроятности, отлично зналъ, что за блины нашлись вдругъ въ городѣ у всѣхъ студентовъ; не подозрѣвалъ ничего одинъ только о. Теодоръ и очень бы былъ огорченъ всей этой ложью, въ которой даже и надобности не было, такъ какъ едва ли встрѣтилъ бы съ его стороны отказъ въ посѣщеніи театра—кто прямо и открыто попросился бы въ театрѣ.

„Послѣ вечерняго чая. Въ 4 часа началась великопостная вечерня; послѣ вечерни о. ректоръ вышелъ въ мантии и въ эпитрахили, прочиталъ отпустительную молитву; сперва о. ректоръ сдѣлалъ всѣмъ земной поклонъ, мы отвѣчали ему гѣмъ же; затѣмъ о. Теодоръ сдѣлалъ земной поклонъ о.

ректору, поцѣловались трижды и—о. Ѳеодоръ опять земной поклонъ; точно такимъ же порядкомъ простились съ о. ректоромъ о. Веніаминъ, о. Григорій, о. Діодоръ, о. экономя, о. дьяконъ; потомъ пошли студенты: подходили попарно; каждый дѣлалъ земной поклонъ, принималъ благословеніе, цѣловался трижды, опять цѣловалъ руку и, вышедши изъ ряда на другую сторону, опять дѣлалъ земной поклонъ. Потомъ началась заутреня, посемъ идоша вси въ трапезу и пияху чай: потомъ студенты разошлись,—кто куда зналъ; весь нынѣшній день позволено было выходить безъ записи. Всѣ монашествующіе были у о. ректора, а оттуда отправились къ о. инспектору; оттуда, вѣроятно, пойдутъ къ о. Веніамину и такъ прославятъ здѣсь до ужина, а за ужиномъ... но объ этомъ послѣ.—Нынѣ съ нами ужинали о. Ѳеодоръ, о. Веніаминъ, о. Діодоръ, о. экономя, о. дьяконъ; (о. Григорій не ужиналъ, потому что ему нельзя было кушать ни рыбнаго, ни скоромнаго). Они сидѣли рядомъ со студентами, за однимъ столомъ, имъ подавали студенческіе кушанья. Послѣ столовой они намъ, а мы имъ поклонились въ ноги, и потомъ студенты подходили поочередно прощаться съ каждымъ изъ нихъ. Во время этихъ поклоновъ студенты пѣли Пасху. На молитвѣ тоже пропѣли Пасху. Итакъ вотъ какъ начинаютъ у насъ Великій Постъ“.

(1856 Мартъ 3 и 4). „Теперь пойдетъ матерія о проповѣди. Въ прошедшемъ письмѣ я сказалъ Вамъ, что о. Ѳеодоръ велѣлъ мнѣ придти для выправки моего расположенія въ воскресенье. Но въ прощальное воскресенье рѣшительно было не когда, и потому я пришелъ къ о. Ѳеодору въ понедѣльникъ, часа въ 4. Онъ пилъ чай, и мнѣ подали также чаю. Просмотрѣлъ онъ мое расположеніе, поправилъ его, и благословилъ писать. Я досталъ себѣ ключъ отъ класса и тамъ писалъ себѣ свою проповѣдь въ невозмутимой тишинѣ. Во вторникъ и среду я ее написалъ, въ четвергъ дописалъ ее на-бѣло и въ 5 часовъ принесъ ее къ о. Ѳеодору. О. Ѳеодоръ еще въ понедѣльникъ, рассматривая расположеніе, разъяснилъ мнѣ нѣсколько мысли свои; потому-то я и написалъ такъ скоро проповѣдь: мнѣ оставалось только изложить уже готовыя мысли и въ данномъ порядкѣ: оттого-то я не замѣчалъ, какъ летѣло время: отъ 7 часовъ до 10, отъ 4-хъ до 6 часовъ я просиживалъ за проповѣдью

и звонокъ въ церковь не разъ прерывалъ мои занятія. Въ четвергъ же принесъ я проповѣдь къ о. Ѳеодору, чтобы отдѣлаться отъ нея предъ исповѣдью. О. Ѳеодоръ велѣлъ придти мнѣ для того, чтобы выправить мою проповѣдь при мнѣ же. Прочитавъ ее, онъ улыбнулся и, по обыкновенію, взглянувъ на меня съ своимъ христіанскимъ простодушнымъ смѣхомъ, сказалъ: „чему уподобить вашу проповѣдь“?—Молчаніе.—„Уподоблю ее одеждѣ, сшитой изъ ветхаго и изъ новаго; лучше бы, если бы все изъ новаго“! Потомъ объяснилъ свою притчу; это значило, что въ моей проповѣди есть мѣста, въ которыхъ видѣнъ *духъ*, но есть и такія мѣста, которыя еще отзываются духомъ ветхозавѣтнымъ. Тутъ, подумавъ нѣсколько, онъ началъ снова объяснять мнѣ свои мысли, соображаясь съ тѣми мѣстами проповѣди, въ которыхъ было видно, что я его не понималъ; и—его мысли предстали для меня въ новомъ свѣтѣ; конечно, нельзя сказать, чтобы я и теперь понималъ ихъ такъ, какъ понимаетъ онъ самъ; но по крайней мѣрѣ дотолѣ я ихъ не понималъ. „Расположеніе то общало больше“,—сказалъ онъ.—„Быть можетъ,—это отъ того, В. В.,—отвѣчалъ я ему, „что въ расположеніи я записалъ только Ваши мысли и Вашими же словами; а въ проповѣди выразилось то, какъ я понималъ ихъ; Вы понимали ихъ въ моемъ расположеніи такъ, какъ теперь разъяснили мнѣ, а я,—какъ вижу,—доселѣ не понималъ ихъ“. Впрочемъ, о. Ѳеодоръ остался очень доволенъ моею проповѣдью; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ въ ней покорность ума,—искреннее желаніе усвоить его идеи, а ему только этого и нужно, онъ этого именно и желаетъ. Потому что, замѣчая во мнѣ готовность къ пріятію его направленія, онъ каждый разъ почти оканчиваетъ свою бесѣду общими увѣщаніями—„вникать въ духъ и силу всего, все основывать на Христѣ и все приводить къ Нему“; показываетъ необходимость этого въ наше время.—„Кто же станетъ указывать намъ на этомъ пути, В. В., если Вы оставляете насъ“?—сказалъ я.—„Ахъ,—батюшка вы мой!—вѣдь силы нѣтъ,—силы нѣтъ“!—говорилъ онъ и потомъ началъ говорить о борьбѣ, которую приходится вытерпѣвать ему и которая неизбѣжна всякому, кто рѣшится идти наперекоръ общему направленію. Если бы человѣка два, четыре или хоть восемь человѣкъ принимали съ отверстымъ сердцемъ,—тогда бы—дѣло другое! а то“—

продолжалъ онъ,—думаешь, что не поздно ли будетъ ужъ и не говорить“!... Пробыли звонокъ къ вечернѣ, а онъ все еще продолжалъ говорить объ этомъ; говорилъ о томъ, что его наставленія не необходимы для желающихъ слѣдовать этому направленію и о тѣснѣйшемъ духовномъ единеніи всѣхъ слѣдующихъ этому направленію,—единеніи, для котораго ничего почти не значитъ раздѣленіе мѣстомъ. Не дивитесь, пожалуйста, что я пишу непонятно о мысляхъ о. Θεодора; это оттого, что я и самъ ихъ понимаю часто очень смутно, а большею частію не понимаю вовсе. Если Вы чтонибудь поймете изъ моихъ писемъ, я буду очень радъ; впрочемъ, буду стараться излагать приблизительно къ общимъ понятіямъ то, что самъ пойму нѣсколько яснѣе. Для образца,—вотъ Вамъ главные мысли моей проповѣди: Проповѣдь моя—о духѣ и силѣ таинства евхаристіи. Сила таинства есть жизнь. Источникъ жизни можетъ быть только въ Богѣ. Принимая Тѣло и Кровь Господа, мы принимаемъ въ себя жизнь отъ Бога. *Воспримемъ-же своею вътрою, и удержимъ, и употребимъ въ дѣло этотъ великій даръ таинства*, что мы будемъ во Христѣ и Христосъ въ насъ; будемъ жить не своею жизнію, а жизнію Христа, будемъ жить такъ, *чтобы у насъ вънѣ Христа не было ни мысли, ни желанія, ни чувства*. Подчеркнутыя слова—поправка о. Θεодора. У меня въ этомъ мѣстѣ было „ветхозавѣтное пониманіе“; я писалъ, что мы должны соображать свою жизнь съ жизнію Господа,—жить такъ, какъ Онъ училъ словомъ и примѣромъ; а о. Θεодоръ указываетъ на то, что это не есть дѣло нашихъ силъ, но дѣло благодати, сообщаемой въ таинствѣ и—нужно только воспріять *вътрою* эту благодать,—тогда она станетъ управлять нашими дѣйствіями; наше дѣло—только не препятствовать дѣйствію благодати. Вторая половина проповѣди: духъ таинства Евхаристіи есть любовь. „Иисусъ Христосъ преподаетъ намъ Тѣло и Кровь Свою, въ которыхъ неотлучно пребываетъ и исполненіе Божества Его, а Божество и есть сама любовь и существо любви: *Богъ любви есть*. Вкушая истиннаго Тѣла и истинной Крови Христовой, будемъ вкушать сердцемъ и этой любви Его, которая лѣтся въ Его Крови и составляетъ питательную силу Его Тѣла“. Въ кавычкахъ опять все чисто слова о. Θεодора. По его ученію, въ Тѣлѣ и Крови Господа каждый причастникъ пріемлетъ въ себя *самую любовь*; необхо-

дима только *вѣра*, чтобы любовь эта обнаружилась; безъ вѣры она пребываетъ въ причастникахъ какъ сѣмя безъ развитія. Не знаю, поймете ли Вы, что хотѣлъ сказать этимъ о. Теодоръ; я,—больше того, что написалъ,—не понимаю. Простите меня, что я пишу Вамъ то, чего не понимаю самъ. Въ пятницу вечеромъ о. Теодоръ прочиталъ со мною синаксаръ о Святомъ Великомученикѣ Теодорѣ Тиронѣ и сказалъ мнѣ, какъ, по его мнѣнію, можно весьма прилично воспользоваться въ моей проповѣди этимъ событіемъ; „но теперь уже вамъ надобно помолиться, да и—на покой“, сказалъ онъ, „а я выправлю и напишу это самъ; вы завтра придете часовъ въ 6 и возьмете вашу проповѣдь вотъ на этомъ столѣ; а я еще въ это время буду въ постели“. Такъ и сдѣлалось; я въ 6 часовъ поутру взялъ проповѣдь, прочиталъ ее раза три, переписалъ приписку о. Теодора и произнесъ. Студенты съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ эти проповѣди, потому что это все равно, что слушать самаго о. Теодора. О. Теодоръ сказалъ мнѣ, послѣ проповѣди, усердное „спасибо“ ¹⁾. Не думайте, чтобы проповѣдь моя отвлекала меня отъ духовныхъ занятій, приличныхъ этимъ днямъ и послѣднимъ минутамъ предъ таинствомъ; напротивъ, она дала мнѣ приличное занятіе для времени говѣнія и сама составляла приличныя размышленія предъ таинствомъ; это, вѣроятно, и разумѣлъ о. Теодоръ, когда говорилъ, что я долженъ поставить себя въ такое настроеніе духа, чтобы моя проповѣдь и для меня обращалась въ назиданіе“.

„Попробую объяснить Вамъ ²⁾, что значить совѣтъ о. Теодора—все приводить ко Христу. Такъ на примѣръ, у насъ въ наукѣ говорятъ, что „человѣку прирождены идеи“, т. е. что всякій человѣкъ имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя понятія, на примѣръ объ истинѣ, о красотѣ, о добрѣ и злѣ, о Богѣ,—а не то, что эти понятія выдуманы были людьми. О. Теодоръ приводитъ эту истину ко Христу. Онъ говоритъ, что идеи, дѣйствительно, прирождены человѣку; это образъ Божій, по

¹⁾ Проповѣдь эта напечатана въ собраніи моихъ проповѣдей подъ заглавіемъ: „Поученія городского приходскаго свящ.“, стр. 60.

²⁾ Эта тирада письма обращена была собственно къ моей матушкѣ; оттого это усиленное стараніе обходится при наложеніи самими общеупотребительными выраженіями.

которому созданъ всякій человѣкъ, а совершеннѣйшій образъ Божій есть Христосъ: *бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9); это сказано объ Іисусѣ Христѣ. Другой примѣръ,—изъ жизни. У насъ недавно была проповѣдь о постѣ; разумѣется, проповѣдь вся изъ мыслей о. Ѳеодора. Опъ велѣлъ взять текстомъ, какъ ученики Іоанна Крестителя спрашивали Іисуса Христа,—почему фарисеи и они постятся, а его ученики не постятся? на что Господь и отвѣчалъ имъ, что, когда отнимется отъ нихъ женихъ, тогда и они будутъ поститься. Изъ этого текста о. Ѳеодоръ показывалъ три рода поста: постъ фарисейскій,—когда постомъ думаютъ угодить Богу, постъ учениковъ Іоанновыхъ,—когда постятся для укрощенія страстей и постъ учениковъ Христовыхъ,—когда душа христіанская постится потому, что хочетъ наказать себя лишеніемъ удовольствій за то, что она не вѣрна была жениху своему Христу,—оскорбляла Его своими грѣхами. Однимъ словомъ, все, что дѣлаютъ люди по разнымъ причинамъ, надобно дѣлать такъ, чтобы имѣть въ виду Христа. Христіанинъ всего себя общалъ Христу и, когда дѣлаетъ чтонибудь не для Христа, и при этомъ считаетъ себя совершенно правымъ,—думаетъ, что такъ и слѣдуетъ дѣлать; то это уже, по мнѣнію о. Ѳеодора, есть отступничество отъ Христа, идолопоклонство,—только—свойственное нашему времени“.

„Его Прохоръ (См. выше—подъ числомъ 11—13 Февр. 1856 г. стр.) постоянно живетъ у него, обходится съ нимъ совершенно какъ сынъ, также шалить, также вольничаетъ, также предупредителенъ ко всѣмъ желаніямъ о. Ѳеодора, какъ обыкновенно маленькія дѣти. Годами онъ будетъ, должно быть, немного поменьше нашего Л. „(лѣтъ 4-хъ)“, но смышленъ не подѣтски. О. Ѳеодоръ снисходителенъ къ нему, какъ самая вѣжная мать; часто Прохоръ приступаетъ къ нему съ разными требованіями, а еще чаще съ потчеваніемъ во время самыхъ трудныхъ богословскихъ разговоровъ: но о. Ѳеодоръ только отвѣтитъ ему или исполнитъ его просьбу, а никогда не отошлетъ его отъ себя; и—странное дѣло!—какъ это онъ его не сбиваетъ!—нѣтъ; никогда! „Кого ты больше любишь?“ — спрашивалъ я Прохора, — „своего отца или лектора?“ (такъ онъ зоветъ о. Ѳеодора; у него пять лекторовъ: двое въ очкахъ,—о. ректоръ да о. Веніаминъ,—да

двое безъ очковъ—о. Григорій и о. Діодоръ,—да о. Ѣеодоръ.)— „Отца лектора“,—отвѣчалъ онъ“.

Прохоръ,—или, какъ его звали всѣ—Прощка, собственно, никогда не жилъ у о. Ѣеодора,—а это то, что называется „жѣтмя-жить“, жилъ онъ съ своимъ отцемъ-вдовцемъ, инспекторскимъ поваромъ, въ инспекторской кухнѣ; но безпрестанно, по винтовой чугунной лѣстницѣ, пробирался онъ изъ подвального этажа академическаго зданія, гдѣ помѣщались всѣ кухни, сначала въ буфетъ,—въ нижнемъ этажѣ, а потомъ и, въ инспекторскую квартиру, и здѣсь бродилъ, какъ котенокъ, по всѣмъ комнатамъ,—такой же чумазый, такой же оборванный, какъ и у отца въ кухнѣ.

(1856 г. *Марта 10 и 11*). „У насъ каждую службу бывають проповѣди... о. Ѣеодора; пишутъ ихъ студенты, но о. Ѣеодоръ большею частію такъ переправляетъ ихъ, что его письма въ проповѣди часто выходятъ больше, чѣмъ студенческаго. Поэтому всѣ слушаютъ эти проповѣди съ большимъ удовольствіемъ. По середамъ и пятницамъ проповѣди бывають на чтенія изъ кн. Бѣтія“; (Паремія на часахъ въ Великій Постъ) такъ напримѣръ, изъ того чтенія, въ которомъ говорилось о началѣ городской жизни и искусствъ въ племени Каина, у насъ была превосходная проповѣдь объ истинной цѣнѣ развитія человѣчества въ мірскомъ отношеніи,—о томъ, насколько нужно и полезно занятіе искусствами и заботы о внѣшней обстановкѣ жизни“.

(1856 г. *Марта 17 и 18*). „И о. Ѣеодоръ купилъ для своего Прокофія (а не Прохора, какъ я писалъ Вамъ; я былъ обманутъ его словами, потому что онъ,—на вопросъ какъ зовутъ его?—отвѣчаетъ обыкновенно: „Пронькой“) —такъ и о. Ѣеодоръ купилъ для своего Прокофія азбуку, и онъ уже знаетъ довольно много буквъ“.

(1856 г. *Марта 25*). „У насъ нынѣ обѣдня отошла довольно поздно, потому что служилъ о. Ѣеодоръ“.

(*Марта 30*.) „О. Ѣеодоръ тоже нездоровъ“.

„За преждеосвященными обѣднями у насъ изъ постороннихъ никого почти не бываетъ; а вчера за всенощной такъ было очень много,—такъ что о. Ѣеодоръ помазывалъ елеемъ до самаго конца канона“. „Великій Канонъ читали у насъ не на четвергъ, а въ четвергъ вечеромъ, за всенощной на пятницу; читалъ о. Ѣеодоръ и, во уваженіе нашей нетерпѣ-

ливости, читаль такъ, что не послѣ каждаго тропаря пѣли: „помилуй мя, Боже, помилуй мя“! а черезъ 4, черезъ 3 и черезъ 5 тропарей“.

(1856 г. *Марта 31 и 1 Апр.*) „Лекція о. Θεодора по свящ. Писанію проливають новый свѣтъ на пророчества, въ нихъ мы имѣемъ то, чего обыкновенно недостаетъ у другихъ преподавателей: ученое изслѣдованіе не заслоняетъ нравственнаго приложенія; о. Θεодоръ объясняетъ пророчества не столько по отношенію къ ветхозавѣтнымъ временамъ, сколько по отношенію къ душѣ христіанина; *не имѣ самѣмъ, но намъ служажу сія* (1 Петр. I, 12)—вотъ его главная мысль. Эхъ!—какъ жалко, что мы не будемъ слушать его“! (Что говорилось о лекціяхъ о. Θεодора о пророкахъ, относится къ лекціямъ которыя читаль намъ не самъ о. Θεодоръ, а о. Григорій). „Онъ непремѣнно оставитъ насъ! Его было назначали ревизоромъ въ Вятку, но онъ отказался. О. Веніаминъ назначенъ ревизоромъ въ Уфу. Ему не вовсе отказано въ профессорствѣ, а—напротивъ даже,—при окончаніи курса Владыка велѣлъ представить его; соображая, что Преосвященный самъ можетъ дать Экстраординарнаго Профессора, заключаютъ, что, по всей вѣроятности, съ удаленіемъ о. Θεодора и съ полученіемъ профессорства, о. Веніаминъ получитъ и инспекторство“. „О. Веніаминъ назначенъ ревизоромъ и въ Вятку, вмѣсто отказавшагося о. Θεодора“.

(Продолженіе слѣдуетъ).
